

Звон монет убивает

Андрей Евдокимов

Андрей Евдокимов

Звон монет убивает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11827151

Аннотация

Клиентка говорит частному сыщику Аристарху, что её старшая дочь застрелилась, и просит найти причины самоубийства потому, что не хочет потерять и вторую дочь, которая, имея перед глазами пример старшей сестры, не дай бог додумается до суицида. Аристарх обнаруживает в простом на первый взгляд самоубийстве серьёзные нестыковки, и начинает искать убийцу.

Я назвал улицы, что скрестились у моего дома. Она повторила. По шороху в трубке я понял, что она записывает.

– Я бы хотела подъехать к вам через час. Устроит?

– Вполне.

– Говорите номер вашего дома и квартиры.

– Не скажу.

– Почему?

– Мой небоскреб стоит на отшибе. Мимо не пройдете. А домофон не работает со дня установки.

– Как же мы встретимся?

– Возле дома есть телефон-автомат...

Я выглянул во двор – проверить, так ли это. Убедившись, что ночью местный Кулибин не разобрал аппарат на запчасти, я продолжил:

– Вы наберете из автомата мой номер, у меня зазвонит телефон, я выгляну из окна, и вас увижу. А могу подождать на улице.

– Вдруг я задержусь в пути – зачем вам терять время? Постарайтесь не занимать телефон – я позвоню. Я буду в черном платье.

Мы попрощались, повесили трубки. Я потер ладони.

– Плимут! Мы снова в деле! – крикнул я.

В ответ мохнатый котище недовольно вильнул кончиком хвоста и сделал вид, будто спит со вчерашнего вечера. Почуял грядущие сбои в режиме кормления. График моей работы ему по душе, как летчику штопор.

Я потрепал кота за шкурку, вышел на балкон. И сразу вернулся. Только девять утра, а на застекленном балконе уже адское пекло. И это конец июня! Кругом такая сушь, стоит только чиркнуть спичкой, и все вспыхнет как облако водорода.

Через час заблеял телефон. Из-под козырька уличного автомата дом разглядывала пожилая дама. Среднего роста, седые волосы уложены ракушкой, поникшие плечи. Я помахал рукой, привлекая внимание. Заметив движение на моем балконе, женщина повесила трубку. Мы пошли друг другу навстречу.

Едва я открыл подъездную дверь, дама посторонилась, уступая мне путь, и устремила взор на полметра выше моей головы.

Обычное явление. Мое имя навеивает ассоциации с двухметровым господином в твидовом пальто и с тросточкой. Мои сто шестьдесят пять с тапочками вызывают, мягко говоря, удивление. Шорты и футболка на выпуск вместо фрака с бабочкой добивают окончательно.

Теперь мы оба вглядывались в сумрак подъезда.

– Вы не меня там ищите? – спросил я.

Женщина отпрянула, словно я произнес непристойность. Мгновение спустя она узнала мой голос. Это подействовало на нее, как на зрителей появление клоуна на арене цирка.

– Аристарх?! – спросила она, борясь с искушением засмеяться.

– Не стесняйтесь, – улыбнулся я. – Вы не первая. И потом, смех полезен для здоровья.

– Простите, я не ожидала, что вы...

– ... так несерьезно выгляжу, – договорил я. – Если вы не передумали, то проходите, пожалуйста. Мы стоим на сквозняке.

– Да, конечно... Куда идти?

*

*

Линзочки влаги лениво сползали по запотевшим стенкам высокого стакана. Минералка осталась почти нетронутой. Гостя лишь пригубила, и теперь безмолвно сидела в кресле напротив.

Кримпленовое цельнокроеное платье чуть ниже колен. Типичный фасон семидесятых, когда синтетика диктовала моду. Черные шнурованные туфли отродясь не знали крема. На лице ни капли загара, словно она не из нашего города. Блеклые глаза цвета речной гальки смотрят в никуда. Мужиковатые руки покоятся на коленях.

Так можно сидеть до следующего утра. Но усидчивость – не мой конек.

– Могу узнать, что вас ко мне привело? – спросил я.

– Зовут меня Клавдия Петровна. Одиннадцать дней назад я похоронила свою дочь. Она... покончила с собой. Отправила мужа на работу, закрылась в доме, приставила пистолет к виску... Ей всего двадцать девять и... я к августу ждала

внука...

Я замер.

– Как и у всех, у Леночки тоже возникали проблемы. Мелкие и крупные, разные. Но она решала их спокойно, понимаете? Она не психопатка. Всегда в хорошем настроении. Любила мужа, жила с ним отдельно от меня, и казалась счастливой. Теперь главное...

Наступила пауза длиной в полстолетия. Мое терпение собиралось лопнуть, когда я вновь услышал ее голос:

– У меня есть еще одна дочь, на три года младше Леночки. Что, если и она вдруг додумается до... Имея такой пример... Короче говоря, я хочу знать, почему Леночка застрелилась!

– Мне придется задать вам ряд вопросов, – сказал я. – Вы согласны на них ответить?

– Почему нет?

– Тогда расскажите про зятя. В общих чертах. Как зовут, кем работает, ваше личное о нем мнение.

Ее губы сжались в тонкую полоску, превратив рот в подобие складки кожи. Я пояснил:

– Я не могу исключать мужа из списка людей, ответственных за смерть вашей дочери. Супруг, как правило, первый претендент на эту роль.

– Мое мнение о нем... оно так важно? Дело в том, что отношений я с зятем не поддерживала.

– Только с ним?

– Да! – она повысила голос. – Он не понравился мне с

первого же дня. Когда Леночка привела его в дом, я сразу поняла, что этот самец не для нее.

– Как же его зовут?

– Олег! – выплюнула она.

– Где и кем работает?

– Да таксист он! – сказала она с презрением, с каким вор говорит о ментах.

– Частник?

– Муниципал.

– Где живет?

– Не знаю. Через неделю после смерти Леночки он из того дома выехал. С тех пор я о нем ничего не слышала. Даже на девять дней не пришел!

– Как с ним можно связаться?

– Знаете, что, молодой человек?! – ее тон от любезного отделяла пропасть. – Я вам плачу деньги не за то, чтобы вы расспрашивали меня об этом подонке! Мне кажется, вы не тем занимаетесь.

– Вы назвали зятя подонком. За что?

Женщина достала из сумки две фотографии и протянула их мне со словами:

– Смотрите. Здесь все понятно.

На обороте портрета карандаш вывел дату съемки и имя. Девушка показалась мне знакомой. Вплоть до серых черт лица. Я удивленно посмотрел поверх фотографии на Клавдию Петровну. За исключением морщин и неживого взгляда пе-

редо мной сидела Леночка. Мать нерожденного ребенка.

Второй снимок запечатлел Леночку в простеньком свадебном наряде. Ее глаза излучали счастье, светлое и даже в чем-то детское. Такие искренне наивные невесты теперь встречаются редко.

Рядом с Леночкой стоял мужчина с внешностью парня из рекламного ролика крупной табачной фирмы. До меня ему, конечно, далеко, но тоже красив. Жесткие темные волосы, античный нос, мощный подбородок. Высокий, стройный, широкоплечий идеал настоящего мужчины.

Молодожены не смотрелись совершенно. И не потому, что невеста невзрачная, а с жениха лепили статуи богов. Своим присутствием плеейбой делал всем одолжение. Улыбка – это лишнее. Свадьба его не касалась. Он проходил мимо и поддался уговорам сфотографироваться со счастливой простушкой-невестой. Для такого случая вполне сойдет равнодушный взгляд человека, осознающего свою привлекательность.

– Подтверждения вашим словам здесь нет, – сказал я, отложив снимки.

– Как?! – она опять приподняла тон. – Разве вы не видите, как он смотрит? Ему же до лампочки вся эта свадьба! Он искал прислугу, и ее нашел!

– Женихов с такими намерениями сейчас предостаточно. Равно как и невест, мечтающих о принце на белом лимузине. Но подонок... Нет, для такого слова одного взгляда мало.

Вы о чем-то умалчиваете, Клавдия Петровна. Так не пойдет. Или вы отвечаете на мои вопросы прямо, или прощайте. Мы остановились на том, почему вы назвали зятя подонком.

– Потому, что он алкаш и бабник!

– Кто вам об этом сказал?

– Я сама видела, как он хлещет водку прямо из бутылки. А то, что он волочился за каждой юбкой, я знаю и без подсказок. Я это чувствую как женщина.

Пришло время сменить тему. Я и сам догадывался, что клиентка недалеко от истины в отношении личности зятя. Но если каждого любителя выпить и гульнуть называть... Тогда у нас страна подонков.

– Кем работала ваша дочь последние годы?

– Программистом в морском колледже.

– Она с кем-то дружила?

– Практически нет.

– Долги?

– Нет.

Остался самый щекотливый вопрос, опустить который я не мог. Я приложил максимум такта.

– Любовники у вашей дочери были?

Будь моя клиентка моложе, я бы получил креслом по уху. Это намерение ясно читалось в ее глазах.

– Ну, вы знаете, как бывает, – поспешил я с объяснениями. – Внезапная встреча на улице, старая любовь возвращается, вернуть все назад невозможно, а очень хочется, и...

– Моя Леночка не такая! – каждое слово хлестало меня нагайкой. – Я ее воспитала хорошо. По мужикам она не бегала. Это вам говорю я, ее мать! До таксиста она встречалась только с одним мужчиной, и очень приличным. Мишенька стал бы ей прекрасным мужем. Скромный, интеллигентный. С ним бы Леночка горя не знала! Общалась бы с образованными людьми, а не с этим... водилой! И я бы за нее не краснела!

Некий Мишенька пришелся ко двору, это понятно. Вопрос в том, глянулась бы ему такая теща? Водилы для нее как пыль под ногами. Белая кость ей по душе больше, чем счастье родной дочери. С этой мамочкой можно либо не видаться вообще, либо остаться старой девой, либо... застрелиться.

– Как я могу связаться с Мишей? – спросил я.

– У меня есть номер его телефона, – тембр ее голоса смягчился до неузнаваемости, – но он дома в записной книжке. Я вам позвоню сегодня же, и продиктую.

– Договорились. А мишин адрес у вас есть?

– Нет.

– Последний вопрос: где жила ваша дочь, и могу ли я побывать на... месте происшествия?

– Она снимала небольшой домик в частном секторе недалеко отсюда, – женщина сморщилась как от зловония. – Я сейчас туда еду. Хочу забрать некоторые вещи Леночки. Можете поехать со мной.

– Отлично! Не будем терять времени.

Я вынул себя из кресла и помог гостье выбраться из глубин кожаного сидения. Оправив платье, она как-то странно на меня посмотрела, сделала шаг к выходу. Потом вдруг развернулась на каблуках, чуть не проделав дырку в ковре, и произнесла:

– Я не совсем поняла. Вы решили за это дело взяться?

– Да. И прошу вас оставить мне фотографии Леночки.

– Те, что я принесла, вам подойдут?

– Вполне.

– Но... ведь мы же еще не обговорили вашу зарплату. Имейте в виду, я не миллионер.

– Я это заметил. Сколько вы можете мне выделить?

От хозяйственной сумки отпочковался кошелек. Из него выглянули четыре портрета американского президента. По углам зеленоватых бумажек прижимались друг к другу пятерка и нолик.

– И вы не боитесь носить такие деньги в сумке?

– Теперь я уже не боюсь ничего. Этого вам хватит?

Передо мной эффектно раскрылся зеленый веер. Он не очень вязался с небогатым гардеробом клиентки. Мое удивление не осталось незамеченным.

– Я продала машину покойного мужа. Деньги отложила на черный день... Не думала, что он наступит так скоро... Но у меня больше ничего нет. Этого мало?

– Постараюсь уложиться. А пока возьму только пятьдесят.

На текущие расходы. Остальное – когда выполню работу.

– В старину самоубийство считалось великим грехом. Таких хоронили за кладбищем. Не хочу, чтобы люди плохо думали о моей дочке. Она не могла так смалодушничать.

Возражать я не стал, хоть и уверен в обратном. Самоубийц называть слабаками нельзя. Особенно тех, кто мстит себе пуглей. Какую нужно иметь силу воли, чтобы, находясь в здравом уме, приставить к виску ствол пистолета и спустить курок!

Но если мать требует доказать всему свету, что ее дочь не могла смалодушничать...

*

*

К гаражу вели семьдесят метров раскаленного асфальта. Ласковое солнышко старалось вовсю. К концу пути я узнал, что чувствует нанизанный на шампур кусок мяса, барахтаясь над мангалом.

Я открыл гараж. При виде моего дредноута Клавдия Петровна отшагнула назад. Лицо ее выражало ужас, словно она повстречалась с саблезубым тигром.

– Может, я поеду на трамвае? – спросила она.

– Не волнуйтесь, Клавдия Петровна! Если кто-то из ваших друзей увидит вас в Горби, он подумает, что обознался.

– В чем, простите?

– Горби. Так я называю этот вездеход.

– По-моему, передо мной горбатый “Запорожец”.

– Вы не ошиблись. К тому же экспортный вариант. Другим по Варшавскому договору он известен под названием “Ялта”.

– Не знала, что это покупали за рубежом.

Я выкатил божью коровку на солнышко, и пригласил клиентку в салон. Она села в машину, сообщила, куда ехать, и до конца нашего круиза не проронила ни слова. Ее ладонь прильнула ко лбу, прикрыв хозяйку от случайных знакомых.

Неприметный автомобильчик неторопливо повез нас по пыльной дороге. Прохожие, завидев малыша, брезгливо воротили носы. Что поделать, люди ничего не понимают в раритетах...

Под колесами зашуршали мелкие камешки. Мы въехали в царство бездорожья и одноэтажных домиков. О близости цивилизации здесь напоминают лишь трамвайные пути да телевизионные антенны. С трех сторон район имеет естественную границу – реку. С четвертой его подпирает бетонная дамба из девятиэтажек.

По грунтовке мы ползли не долго. Клавдия Петровна махнула рукой, и я остановил машину напротив ветхих деревянных ворот, окруженных дощатым забором. В тени от двух неказистых вишен автомобильчик спрятался целиком.

В соседнем дворе затыкали собачонки, но их быстро успокоил старческий голос. Клиентка подошла к воротам, в ее руках появился ключ размером с монтировку. Под скрип разошедшегося дерева и ржавых петель дощатый забор со-

трясли конвульсии. Я с недоверием покосился на калитку, грозящую оборваться в любой момент, и вошел во двор.

Шаткие плетени призваны скрывать вросшую в землю хату-мазанку, крытую камышом, и запущенный двор, поросший сорняком. Или, на худой конец, картофельные грядки, украшенные колониями колорадского жука.

Вместо этого я увидел залитый солнцем ухоженный дворик, являвший собой одну большую клумбу. Узкая тропинка, мощенная известняком, вилась среди ярко-желтой календулы. Воздух наполняла какофония цветочных запахов. Сотни пчелиных крылышек клонили в сон мерным жужжанием.

Плавно изогнувшись в двух местах, дорожка вела к домику под красной черепицей. Первый камень в его фундамент заложили еще язычники.

Слева двор ограничивала глухая стена соседского дома. Низкий штакетник отделял клумбу от помидорной плантации соседского двора справа. Среди кустов томата резвились собачонки неизвестной породы размером с кошку. Это их тьявканье оповестило округу о прибытии моего автомобиля. Я попытался их сосчитать, но сбился со счета уже на пятой зверушке. Они носились по огороду как стайка воробьев, и постоянно менялись местами.

– Вот тут и жила моя Леночка.

– Здесь очень уютно, – отозвался я, не оборачиваясь.

– Она любила цветы... Проходите к дому, нам на этой тропинке не разминуться.

Со стороны двора уличный забор от самой земли сплошь увила чайная роза. Воротами не пользовались уже много лет. Открыть их, не срубив под корень красно-зеленое покрывало, было невозможно. Не погребенной под толстым и пушистым ковром оказалась только калитка.

В полуметре от забора, возле стены соседского дома благоухала деревянная уборная. Рядом с кабинкой, над кустиком розовых флоксов, возвышалось дешевое винтовое кресло. На серой обивке сидения отчетливо темнело большое пятно. В стране цветов засохшая кровь выглядела надругательством.

Раздраженный возглас клиентки заставил меня повернуться к ней.

– Ну, наконец-то! – воскликнула она. – Как только Ленка справлялась с этим замком? Это же тихий ужас! Проходите, Аристарх.

Ленка... Немного же вам надо, чтобы выйти из себя, Клавдия Петровна! Всего-то три минуты возни с запором, и Леночка уже Ленка.

В доме пахло сыростью и прохладой. Сквозь трещины в ставнях полумрак рассекали хиленькие лучики. Застоявшийся воздух пришел в движение и поднял с пола пыль, заставив ее заиграть на свету мириадами блестящих частичек.

Повсюду валялись обрывки газет. Исконные обитатели дома – мыши – зашуршали в бумажных завалах, разбегаясь по норкам.

Клавдия Петровна вошла следом за мной. Раздался щелчок выключателя, и комнатка залилась желтоватым светом. Маломощная лампочка не имела абажура. К патрону по потолку тянулась наружная проводка. Я уже и забыл, как она должна выглядеть.

Девять квадратов бетонного пола застилали пестрые самотканые дорожки. У двери побелка скрывалась за двумя лентами обоев с вытертым рисунком. Соломенная шляпка на одном из трех косо вбитых в стену гвоздей говорила, что этот угол использовался в качестве вешалки.

На письменном столе сиротливо застыли старенький монитор, удивившая не стертыми буквами допотопная клавиатура, мышь на потрепанном коврикe, древний модем и развороченный системный блок. Рядом магнитола из тех, что продаются по сотне долларов за дюжину. Рычажок регулятора громкости у отметки “max”. Контейнер для кассет пустовал. На полу лежала телефонная розетка с мотком провода. Аппарат к ней не прилагался.

– Аристарх, вы не поможете мне открыть окно? – спросила Клавдия Петровна. – Здесь такой спертый воздух, а мне не дотянуться даже до ставен.

Окно над письменным столом не издало ни единого скрипа. Я не ожидал такого поведения от старинной деревяшки с облущенной краской. Присмотревшись, я увидел, что петли и шпингалеты хорошо смазаны. Причем совсем недавно.

– Может, откроем и другие окна? – предложил я. – Надо

бы здесь проветрить. А то компьютер в такой сырости долго не проживет.

– Вы так считаете?

– Я в этом уверен.

– Тогда открывайте.

Сразу за соломенной шляпкой находился вход в крошечную кухоньку. История с бесшумной податливостью петель и шпингалетов повторилась.

В домике имелась еще одна комнатка, позади прихожей. Мебель там мечтала о свалке. Обивка дивана свободно провисала между пружинами словно скатерть, накинутая на стол, уставленный блюдами. Когда-то оранжевый барокан приобрел цвет грязной лужи в глиняном карьере. Двум креслам и зашарпанному шифоньеру жить оставалось до следующего переезда.

Из окон комнатки открывался вид на запущенный двор позади дома Леночки. Смазанные петли меня уже не удивили.

Пока я знакомился с домом, Клавдия Петровна собирала кухонную утварь в хозяйственную сумку.

– Ну, как вам это жилище? – спросила она, когда я вошел в кухню.

– Небогато для семьи таксиста и программиста.

– О чем вы говорите! – сказала она большой эмалированной кастрюле, не желающей влезать в переполненную сумку. – Леночка едва сводила концы с концами. А этот алкаш

зарабатывал хорошо, но Леночке давал только на свое питание. Жена от него ни одного подарка не увидела. Про себя я вообще молчу. Жлоб! Да вы посмотрите – он даже старый телефон забрал!

Кастрюля со скрежетом заняла место в сумке. Клавдия Петровна с облегчением вздохнула.

– Куда выходят окна из спальни? – спросил я. – Ну, той комнатки, где стоит диван.

– Из этой душной каморки?! Разве в ней можно заснуть? Это чулан, а не место для отдыха! Таксист... Таким все равно где переспать. Но Леночка... Я ее не так воспитывала. Моя дочь жила в этом сарае! Даже стыдно сказать знакомым. Что они обо мне подумают? Позорище!

– Вас так волнуют чужие мысли?

Меня приласкал испепеляющий взгляд, но я даже не задымился.

– Это я обсуждать не буду! Доживите до моих лет, вырастите двух дочерей, а уж потом говорите глупости.

– Я задал вам совсем не глупый вопрос.

– Какой?! – ее лицо выражало неподдельное удивление. – Ах, да! Окна из, как вы сказали, спальни, выходят в соседний двор. Леночка говорила, что там никто не живет. А это вам зачем?

– Следовательно из милиции вы тоже задаете такие вопросы?

– Но это же представитель Закона... – с почтением про-

изнесла женщина.

– Однако вы наняли меня. Мы занимаемся болтологией, Клавдия Петровна, а дело стоит. Итак, я спрашиваю, а вы, пожалуйста, отвечайте без лишних вопросов. Если хотите, конечно, чтобы я отработал ваши деньги.

Клавдия Петровна поправила волосы, ее пальцы нервно пробежали по воротничку. Женщина оглянулась назад, подвинула к себе табурет, села за кухонный стол. Устремив взгляд во двор, на клумбу, Клавдия Петровна несколько мгновений хранила молчание.

– Спрашивайте, – нарушил тишину ее безучастный голос.

Убедившись, что руки моей собеседницы свободны от колюще-режущих предметов, я спросил:

– Как вы думаете, почему Олег съехал из этого дома так быстро?

– Я уже говорила. Он подонок!

Будь у нее топор, последние слова она бы высекла у меня на лбу.

– А здесь жил только потому, – продолжала она, – что Леночка не могла без всех этих цветочков. Он всю жизнь прожил в квартире, а частные дома считал гадюшниками. Впрочем, в этом он прав...

– Оставим зятя в покое. Кто нашел Леночку?

– Соседка. Она же вызвала милицию.

– Когда это случилось?

– Тринадцатого июня.

– Пистолет принадлежал Леночке?

– Не знаю.

В голове царил полнейший кавардак. Я посмотрел в окно. Пчелы деловито копошились в цветах. Мне бы их энтузиазм!

– Могу я задать вам вопрос не по теме? – напомнила о себе Клавдия Петровна.

– Да, конечно...

– У вас есть знакомые, которые могли бы купить компьютер Леночки? Нам он не нужен. Сколько за него дадут, как вы думаете?

Я даже растерялся. Ляпнул первое, что пришло на ум:

– Честно говоря, у меня таких знакомых нет. Но я поспрашиваю, если будет у кого.

– Другими словами, это старье никому не нужно, я правильно вас поняла?

– Ну, я бы так не сказал...

– Что ж, спасибо.

– У вас телефон есть? Вдруг найдется покупатель...

Женщина продиктовала номер. Я записал на внутренней стороне клапана сигаретной пачки. Затем протянул ей визитку.

– Это мои координаты. Звоните в любое время.

Мои реквизиты утонули в грудe посуды, наполнявшей хозяйственную сумку. Небрежность жеста оскорбила бы даже использованный трамвайный талончик.

– Теперь мне пора ехать, Клавдия Петровна.

– Что? Ах, да! Только... Аристарх, я хочу вас попросить о небольшой услуге. Даже не знаю, как...

– Говорите, не стесняйтесь. Вы же мой клиент.

– В ваш автомобиль случайно не влезет это?

Палец указывал на письменный стол. Если она хотела меня обрадовать, то у нее не вышло. Я молил Всевышнего, чтобы она не вспомнила о диване, креслах и шифоньере.

– В салон не влезет, – ответил я, – а на багажник запросто. Только придется разобрать, целиком не подниму.

– Будьте осторожней с полировкой. И... может, тогда и компьютер поместится?

– Постараюсь.

Электроника устроилась на заднем сидении. Там же нашлось место и для хозяйственной сумки с кастрюлями и моей визиткой на дне. Потом я нашел гаечный ключ и приступил к отделению столешницы от тумбы. Резьба на болтах сильно поржавела, и я потратил пять минут на то, чтобы отвинтить несчастных четыре гайки.

Ничего кроме обрывков газет я не нашел. Насобирав достаточное количество, я проложил их между полировкой столешницы и багажником. Завязывая последний узел веревки, я обратил внимание на клочок бумаги, свисавший с багажника перед самым моим носом. Меня заинтересовал фрагмент текста, обведенный фиолетовой пастой.

Частное объявление о сдаче дома в аренду. Судя по номеру телефона, дом не в самом плохом районе города. Указан-

ное количество комнат предупредило, что ждать от хозяев низкую цену смешно. Я вырвал объявление из газеты, сунул под прозрачную обертку сигаретной пачки.

Еще раз обойдя машину, я проверил надежность крепления багажа. Поклажа держалась мертво. Я отошел в сторону – полюбоваться на творение рук своих.

Невесть откуда взявшийся ветерок зашевелил паучьи сети, натянутые между ножками тумбы письменного стола. Вместе с паутиной затрепетали прилипшие к ней мушки. Но привлек мое внимание не иссохший трупик комара. Я отлепил от паутины сложенную вдвое ядовито-желтую тончайшую бумажку. Вероятно, ее забросил под стол сквозняк.

Копия квитанции из компьютерного магазина уже поинтереснее газетного объявления. Объект оплаты обозначался неразборчивым почерком. Что-то стоило пятьдесят долларов, и рассталась с ними Северцева Елена двенадцатого июня. Следующий день стал последним для дочери Клавдии Петровны. Ее тоже звали Еленой.

– Я уже готова, – сообщила клиентка, когда я вошел в дом. – Если вы закончили, то закрывайте окна, и поехали.

– Клавдия Петровна, я хотел бы навестись сюда еще разок... может, два... У вас есть второй комплект ключей от этого дома?

– Учтите, что за дом заплачено только до конца месяца. В это воскресенье ключи должны быть у хозяйки.

– Спасибо. И еще один вопрос. Ваша дочь в замужестве

носила девичью фамилию?

– Нет!

– А у мужа какая?

– Северцев. Разве я не говорила?

– Наверное, я забыл.

Квитанцию на пятьдесят долларов оплатила дочь моей клиентки. Елена Северцева. Накануне своей смерти.

Клавдия Петровна закрыла дверь в дом, ключи передала мне. Мы уже подошли к калитке, когда до нас донеслось:

– Уже уходите?

С порога соседской хибарки нас разглядывала сухонькая старушка в выгоревшем домашнем халате. Вокруг ее ног резвилась вся дворовая живность: собаки и кошки вперемешку. Зверье издавало один сплошной протяжный звук. Очевидно, скул означал просьбу повторно наполнить дочиста вылизанный алюминиевый тазик.

– Здравствуй, Клавочка! А кто это с тобой? – старушка указала на меня пальцем. – Новый квартирант?

– Мой знакомый, Полина Поликарповна. Помогает вывезти вещи Леночки.

– А я услышала, что кто-то приехал, на собак крикнула, а тут как раз позвонил внучок мой. Но я тебя, Клавочка, в окно увидела, и успокоилась. Я ведь теперь за двумя хатами присматриваю. Сейчас время беспокойное, вдруг воры какие забрались. Так я телефон милиции знаю! Да... Ну, ладно, пойду я. Совсем заговорила...

– Полина Поликарповна! – окликнул я бабульку.

– Чего тебе, сынок?

– Хотел вас предупредить, чтобы вы не волновались понапрасну, и в милицию не звонили. Клавдия Петровна дала мне ключи от дома. Я еще приеду сюда пару раз.

– Да, – подтвердила моя спутница, – я совсем забыла. Но вы не переживайте, он ничего не украдет.

– Вижу, что не бандит, – улыбнулась старушка. – Не бойся, сынок, я тебя запомнила.

Бабулька зашла в дом, захватив алюминиевый тазик, и поправила за собой марлевую занавеску от мух. Зверинец как по команде разлегся полукругом у порога и дружно завилял дюжиной хвостов.

*

*

Скрытые в кронах фруктовых деревьев уютные домики остались позади. Жара подвесила над дорогой зыбкое марево, искажающее реальность. В неровностях асфальта возникали маленькие миражи, вызывая иллюзию езды по мокрой от дождя трассе. По мере приближения лужицы исчезали, а впереди зарождались новые мерцающие озера, и так до бесконечности.

Клавдия Петровна произнесла только два слова: название улицы и номер дома.

– Бабушка с собачками, – заговорил я, – и есть та самая соседка, что вызвала милицию?

– Да.

Внезапно попутчица повернулась ко мне всем телом, закрыв обзор с правой стороны.

– Вас еще интересует, как связаться с Олегом? – слова вываливались из нее с трудом, будто жмых из ручной соковыжималки.

– Чем больше узнаю, тем быстрее выполню ваш заказ.

Клавдия Петровна вновь повернулась к ветровому стеклу. При этом она не забыла заслониться ладонью от солнца. Или – что более вероятно – от случайных свидетелей ее позора. В настоящем лимузине она наверняка открыла бы еще и форточки, чтобы ее благородный профиль видели издалека.

– Я вспомнила, – теперь она говорила человеческим голосом. – Для постоянных клиентов он имел позывной. “Сантана”, если мне не изменяет память.

– Вы уверены? Может быть, он звучал как “Монтана”?

– Не знаю, – ее голос мог вбить в доску гвоздь, – но в записной книжке напротив телефона Олега слово “Сантана”.

Несколько минут спустя я притормозил возле пятиэтажного кирпичного дома. Клавдия Петровна подбородком указала подъезд, я подрулил к бордюру.

Обогнуть машину, чтобы открыть дверцу пассажирке, я не успел. Она выпорхнула из салона и взбежала по ступенькам с легкостью семилетней девочки. Бег с препятствиями вызвал у нее одышку. В роли финишной черты выступал тамбур подъезда. Он же стал убежищем от глаз соседей.

Афишировать свое прибытие на архипостыдном транспортном средстве Клавдия Петровна явно не помышляла.

Пряча усмешку, я закрыл машину, развязал веревки, и водрузил тумбу письменного стола на плечи. Клавдия Петровна держалась от меня на почтительном расстоянии, дабы я не компрометировал ее своим внешним видом. Я топал за стеснительной клиенткой как носильщик отеля за имущей постоялицей.

Взобравшись на первую ступеньку лестничного марша, я осведомился:

– Клавдия Петровна, ваша дочь не подумывала сменить дом на более просторный?

– Почему вы об этом спрашиваете?

– От нечего делать!

– Вы слишком нервный, Аристарх... Это не хорошо. А насчет дома не знаю. Вряд ли. Да и не с ее деньгами думать о стоящем жилье.

– А Олег? Он не хотел переехать в дом получше?

В моем кармане лежало вырванное из газеты объявление о сдаче внаем частного дома. Кто-то выделил его, заключив в фиолетовый овал. Меня интересовало, мог ли это сделать кто-то из семьи Северцевых.

– Вы невнимательны, Аристарх. Я вам уже говорила, Олег для частных домов не создан. Он их терпеть не может. Он вырос в квартире, на балконе и умрет.

– Извините, я забыл.

– Записывайте!

Лифты в таких домах проектом не предусмотрены. Но не успел я помянуть не злым тихим словом заботливых архитекторов, как мое восхождение закончилось. На втором этаже мы подошли к двери, сто лет назад обитой дерматином.

– Поставьте стол здесь! – распорядилась женщина в черном, ткнув пальцем в пол подле своих пыльных туфель.

Кряхтя и чертыхаясь одними губами, я исполнил пожелание клиента.

– Можете перенести все из машины сюда, – разрешили мне, – а потом занесете в комнату.

Я кинулся прочь в едином порыве угодить доброй тете. А если честно, то не терпелось поскорей унести оттуда ноги. От ее чванства меня уже тошнило.

Сняв с багажника столешницу, я просмотрел все газеты-прокладки, которые подложил под полировку перед погрузкой. Почти сразу наткнулся на еще одно объявление о сдаче дома, обведенное фиолетовой пастой. Дата публикации месячной давности. Рекламка отправилась в сигаретную пачку, к остальным вещдокам. Оставшиеся газеты улетели в мусорный контейнер, подняв в воздух рой зеленых мух.

Ни одна принесенная мной вещь с места не сдвинулась. Все осталось на лестничной площадке. Более того, дверь в квартиру оказалась запертой. Ее открыли, когда я в третий раз поднес палец к кнопке звонка.

Клавдия Петровна успела облачиться в домашний халат,

потрепанный как Веселый Роджер после абордажа.

– Вы сотворили коммунизм в отдельно взятом доме?

Женщина огляделась вокруг. Наверное, искала рай для трудящихся масс. Не отыскав ничего похожего, удивленно посмотрела на меня.

– Вы оставили вещи без присмотра, – пояснил я. – У вас не воруют?

– Очень остроумно! А вы здесь зачем?

– Для охраны, – я приклеил улыбку к уголку рта, но клей случился никудышным, и она отвалилась.

– Заносите!

Скорчив угодливую рожу, я подчинился приказу.

– Соберите стол здесь, в коридоре, – услышал я, когда опустил на пол последнюю из перевезенных вещей.

– А где “пожалуйста”?

– Будьте любезны!

Ее голос стоит целого состояния. Из него можно цедить желчь галлонами и продавать в аптеках.

Удаляясь в ванную, хозяйка и не думала огибать препятствие в виде Аристарха. Я посторонился, чтобы по мне не прошли рваные тапочки.

Я остался один посреди трехкомнатной памятки о вожде, грозившем засеять страну кукурузой.

Ремонт забыл сюда дорогу сразу после сдачи дома в эксплуатацию. Обои в радиусе десяти дюймов от выключателей имели цвет несвежего воротничка. Контурсы дыр в ли-

нолеуме обозначались проплешинами в половиках. Подвески светильника так чисты, что при включенных лампах отбрасывали на потолок густую тень. Мебельный гарнитур обрел цвет въевшейся пыли. Зеркало на дверце шкафа служило мухам аэродромом. Пахло задохнувшейся кухонной тряпкой.

Из комнаты за мной наблюдала пара глаз цвета мышиной шкурки. В них угадывалось любопытство, обычное при появлении в доме нового человека. Девушка сидела на тахте, подобрав босые ноги под себя. Черные джинсы трещали на крутых бедрах, желтая в синий горошек блузка обнажала загорелые ручки. Такие жилы надо скрывать под длинным рукавом байковой рубашки, а не выставлять напоказ.

На коленях девушки мирно похрапывал большой плюшевый мишка. Когда я праздновал вторую весну, мне подарили такого же. Я невзлюбил зверюгу немедля, ведь мне пришлось давиться лишней ложкой ненавистной каши “за Мишу”. Вскоре я узнал, чем рычит мой враг, и до самой школы считал, что медведи в зоопарке набиты деревянной стружкой.

Девушка вразвалку вышла в коридор, захватив с собой запах духов, что на распродаже по рублю за ведро. Косметикой с ее лица можно оштукатурить Великую Китайскую Стену, еще и останется.

В тот же миг в дверях ванной комнаты возникла фигура Клавдии Петровны. Последовала немногословная процедура

представления.

– Вика, это Аристарх. Он частный детектив, – голос клиентки смахивал на недовольное фырканье. – Аристарх, это моя дочь.

Вика протянула мне руку, другой прижимая к животу медвежонка. Длинные ногти она покрывала лаком, похожим на автомобильную эмаль. Безымянный палец удавился отрезком серебряной трубы. Колечко украшал орнамент из готических символов, необычный для подобного ширпотреба.

Целовать протянутую ручку я не стал, ограничился рукопожатием. В ответ Вика отказалась преклонить колени в глубоком реверансе. Я произнес стандартную ложь о том, как мне приятно с ней познакомиться. Девушка не снизошла даже до этого.

– Ты наняла частного детектива? – шутливым тоном спросила Вика, ожидая от матери отрицательного ответа.

– Да.

– Но зачем?

– Объясню потом!

– А где ты взяла деньги? Или он работает бесплатно?

– Я заплатила ему из тех денег, что остались от папиной машины.

Нервным движением Вика скрутила ухо плюшевого мишки с такой силой, что затрещали швы.

– Ну, знаешь! – выкрикнула она. – Могла бы и со мной посоветоваться! Хоть бы вспомнила, что мне пора менять

сапоги!

Мамуля ответила еще громче:

– Об этом нужно думать тебе! Не маленькая!

Вика со злостью метнула игрушку в раскрытую дверь. Я ожидал, что капризная дочурка вдобавок топнет ножкой, но этого не произошло. С шумом рассекая воздух, метательный медведь пролетел в трех дюймах от моего носа. Приземляясь на тахту, медведь-летун жалобно крикнул.

Похоже, между членами этой семьи установились теплые дружеские отношения.

Даже мишка у них с гонором. Пролетая мимо меня, хищник повернулся ко мне спиной. Чужаков не признает. А может, хвастался новенькими нитками на шкурке? Чья-то неумелая рука недавно наложила новые швы взамен старых, истлевших. Более изящной техникой шитья владеют только те, кто зашивает трупы в морге.

Я присел возле письменного стола. Мне осталось завинтить две гайки. Снизу я еще раз обозрел поле битвы. Мать и дочь напоминали опытных бойцовских петухов, готовых к схватке. У меня зачесались руки сделать ставку.

Разглядывая лица соперниц, я увидел, что если Вику хорошенько умыть, получится еще одна Клавдия Петровна. Только моложе и несравненно более загорелая. Я искренне пожалел сестер – Леночку и Вику. Унаследовать от матери все самое невзрачное!

– Классный у вас медведь, Вика, – сказал я, на ощупь на-

живляя гайку. – А загар еще лучше!

– Выходные я провожу на пляже.

– Что ж сегодня дома?

– Мне не до веселья.

– Но вы и не на работе. У вас скользящий график?

Вика осмотрела меня с макушки до пят. По количеству спеси на килограмм веса она не уступала матери.

– Это допрос? – Вика склонила голову набок.

– Не хотите, не отвечайте.

Я посмотрел на Клавдию Петровну.

– Ответь ему, Вика.

– Я косметолог-визажист-стилист! – произнесла девица с такой помпой, словно напомнила мне, холопу, что она – царская дочь.

Перхоть на ее плечах подтверждала поговорку о сапожнике без сапог.

– У вас сегодня выходной, или принимаете на дому? – продолжил я.

Девушка отвернулась и грустно посмотрела в зеркало.

– Я работаю в салоне красоты. Но сейчас в отпуске. Взяла за свой счет. У нас обслуживается очень состоятельная клиентура. Мне нельзя ошибаться, а я еще не отошла от... Мы можем поговорить в другой раз? Я сейчас не могу.

Вика всхлипнула и закрыла лицо руками.

– Конечно, – ответил я. – Позвоните мне, когда сочтете возможным. Визитку возьмете?

Не поворачиваясь, девушка взяла картонку, прошла в комнату, и тихо затворила за собою дверь.

Я подтянул гайки ключом. Затем вставил в тумбу выдвижные ящики.

— Готово! — доложил я. — Можете пользоваться.

На благодарность я не надеялся. Мои надежды подтвердились.

— Раз уж вы здесь, — очнулась Клавдия Петровна, — то я сейчас дам телефон Миши.

Она принесла табурет, взобралась на него, и разворошила кучу хлама в антресоли над зеркалом.

— Куда она запропастилась? — пробормотала хозяйка.

Потом осторожно приоткрыла дверь к дочери.

— Вика! Ты не видела нашу старую записную книжку?

— Зачем она тебе?

— Мне нужен номер Миши. Ты его не помнишь?

— Нет.

Клавдия Петровна повернулась ко мне и растерянно развела руками.

— Не помню, куда я ее задевала. Не выбросила же!

— Адрес Миши у вас точно не сохранился?

— Я уже говорила!

— Мама! — послышался приглушенный голос Вики. — Зайди на минутку!

Клавдия Петровна встала перед тахтой Вики вполоборота ко мне. Одним глазом она следила за мной, другим смотре-

ла на дочурку. Хомо хамелеонус в натуре. Из комнаты доно-
силось бойкое шушуканье. Через шесть минут с копейками
мамаша в чем-то согласилась с дочкой, а я остановил секун-
домер на часах.

– Аристарх! – изрекла клиентка, покинув беседку. – Я рас-
сказала Вике, зачем вы здесь. И мы подумали... Вам дей-
ствительно необходимо встречаться с Мишей?

– Желатель...

– Дело в том, что Миша очень любил Леночку. Одно ваше
неосторожное слово, и Миша может принять смерть Леноч-
ки на свой счет. Он мальчик ранимый.

– А если именно он и окажется...

– Это исключено! Миша не тот человек. Он умеет проиг-
рывать достойно. Осложнять жизнь любимой женщине он не
станет.

– Надеюсь, вы правы.

– Поймите, кроме Миши может пострадать еще и его ма-
ма. Она тоже очень любила Леночку. Не знаю, оправилась
ли она от шока, вызванного разрывом Леночки с Мишей, и
свадьбой Леночки с этим... В общем, не стоит им сообщать
о том, что случилось.

– Рано или поздно они все равно узнают.

– Конечно. Но я не хочу, чтобы это исходило от вас.

– Как знаете, Клавдия Петровна. В таком случае я дол-
жен вас предупредить. Если без встречи с Мишей я обойтись
не смогу, то буду считать наш договор расторгнутым. Вы со-

гласны?

– Да! – не раздумывая, ответила работодательница.

Ничего расторгать я не собирался. Лишь хотел узнать, как далеко она собралась зайти в подсвечивании нимба над головой Святого Михаила.

– Тогда до встречи! – я съехал со стола, на котором сидел все это время. – Вы мне откроете?

Клавдия Петровна молча выпустила меня из душной и пыльной берлоги.

*

*

Я отъехал, и в дороге принялся составлять план действий. После жарких споров с холодным рассудком я решил в первую очередь повидаться с Олегом.

Муж должен лучше других знать, что подтолкнуло Леночку к самоубийству. И кому, как не Олегу, пытаться скрыть то, куда не обязательно совать нос посторонним, а мне – так тем более?

Я набрал номер, прижал мобилку плечом, вернул руку на руль. Линия освободилась, когда мне надоело перезванивать. До таксопарка проще доехать, чем дозвониться.

– Слушаю! – оглушил грубый женский голос.

Мое воображение обрисовало собеседницу ярче некуда. Мне привиделась широкоформатная дама с усами, всю жизнь просидевшая в диспетчерской таксопарка.

– Девушка! – я ей нагло льстил. – Подайте мне машинку ко

входу в морской колледж, пожалуйста, ровно через два часа. За рулем должен сидеть водитель с позывным “Сантана”.

– Щас посмотрю! – рявкнула усатая.

Четверть минуты спустя ревущий голосище вновь заставил трубку вибрировать вместе с моим плечом:

– “Сантаны” в городе нет. Будет другая машина.

– Мне нужен только “Сантана”!

– Где я его возьму?! Он вчера повез клиентов к морю.

Количеством децибел ее голос соперничал с пушечной канонадой. Ударная волна едва не прошла насквозь мою барабанную перепонку.

– Когда вернется? – спросил я, и сразу отдернул руку с телефоном на безопасное расстояние от уха.

– Почему я знаю? – грохнуло из динамика. – Может, завтра вечером.

– Ого! – крикнул я трубке. Теперь я держал ее на вытянутой руке. – Он что, повез ваших клиентов на Лазурный Берег?

– Кто платит, тот и музыку заказывает! – напомнили мне, скрежетнув зубами. – Я пришлю другую машину.

– Нет, спасибо. Извините за беспокойство.

Представляю, как ее обрадовали длинные гудки.

Хронометр показывал без двух минут полдень. Я успел проголодаться, и был готов проглотить диплодока.

Я подрулил к киоску. Девушка в кокошнике, чистом как роба кочегара, не бесплатно всучила мне дюжину сдобных

булочек. Не кабанчик на вертеле, но лучше, чем ничего.

Вековой каштан на соседнем квартале подарил моей машинке лоскуток тени. Утопая в расплавленном асфальте, я доплыл до мрачноватого двухэтажного здания.

*

*

За столом восседало существо с фигурой холодильника. Личико бульдозера, ладошки размером с кирпич, в плечах косая сажень.

Клинок чуть короче мачете впился в кусочек сала величиной с сейф, что занимал полкабинета. От буханки хлеба осталась одна горбушка, покрытая дюймовым слоем масла. За версту разило чесноком. Обед рядового следователя из убойного отдела подходил к концу.

Литровая чашка, до краев наполненная чаем, при моем появлении застыла в воздухе.

– Здравствуй, Игорек! Как твой драгоценный аппетит?

– О, нет! Только не это! – с тракторного лица слетело всяческое упоминание об улыбке. – Что за дурная привычка – портить людям настроение после еды?

– Давай сначала перекусим, – предложил я, вытряхивая из пакета булочки. – Кто ж на голодный желудок говорит о делах?

Что мне в нем нравится, так это железная выдержка. Игорек сытым взглядом скользнул по пышкам, и героически уставился в окно. Булочки на столе действовали на него как

заправленный шприц на наркомана. Мне повезло – я успел съесть целых две. Чаю я так и не дождался.

– Игорек, мне нужна твоя помощь, – сказал я в конце трапезы.

– Ммм... хотя, что я надеялся услышать? – буркнул Игорек, двумя глотками осушив чашку. – Ладно, иногда и от тебя есть польза. Зачем пришел, Великий Сыщик?

– Две недели назад в своем доме найдена застреленной молодая беременная женщина. Леночка Северцева. Кто вел это дело?

– Аристарх! – обреченно простонал Игорек. – Где ты берешь таких клиентов?

– Гонораром делиться с тобой, или...

– Не смеши! Свои копейки оставь коту на рыбу.

Я скомкал упаковку от булочек, запустил в мусорную корзину.

– Не нравится мне это самоубийство, – сказал я.

– Новых слов не выучил? Вечно бубнишь одно и то же.

– Ты не довел начатое до конца.

Убийственный взгляд попытался отправить меня к праотцам.

– И ты решил подмазаться дешевыми булочками? – скривился пожиратель дармовых угощений. – Кто мне позволит ворошить благополучно закрытое дело? А если не выгорит? Если я ничего не раскопаю? Думаешь, за это мне светит досрочное повышение?

– Брось, Игорек! Хоть поговорить об этом я могу?

– Можешь. Только поторопись: обед заканчивается.

– Постараюсь уложиться. Говорят, Леночка спустила курок, едва выпроводив мужа на работу. Зачем стреляться так демонстративно? Судя по тому, как теща ненавидит зятя, Леночка очень любила Олега. Так вот за что обожающая жена презентует боготворимому супругу свою смерть? И почему именно пистолет?

– А кто вообще может объяснить поступки женщин? Самострел – не женский способ, тут ты прав. Обычно у них на уме таблетки и лезвие в теплой ванне. Но к чему ты ведешь? У тебя, часом, не мотивчик в рукаве припрятан?

Я разложил перед Игорьком газетные объявления и желтую бумажку – копию квитанции. Игорек долго изучал вещдоки, потратив несколько секунд, после чего выдал обстоятельное резюме:

– Можешь замотать в рулончик туалетной бумаги.

– У нее водились деньги, неужели не понятно?! Она искала хорошее жилье. Тут пахнет не одной сотней, а недавно за двадцатку вырезали целую семью.

– Знаю! Но там никто не стрелялся!

– А здесь тем более! Когда ты покажешь фотографии?

Муха облетела меня трижды, пока Игорек возвращал себе дар речи, похищенный моей наглостью.

– Ладно, – очнулся следователь.

Заслонив сейф вместе с четвертью стены, Игорек набрал

код. Достал стопку фотобумаги и бросил ее на стол. Снимки заскользили ко мне на воздушной подушке. Верхняя карточка спланировала на паркет.

– Иду на должностное преступление, – напомнил Игорек.

– А разве закрытые дела не сдаются в архив? – спросил я, подбирая упавший снимок.

– Сейчас заберу, потом не плачь!

Я жестом показал, что угроза принята к сведению, и повесил на рот амбарный замок.

Леночка сидела в кресле перед работающим монитором. На экране едва различимо светились каракули. Наверное, этим и занимаются программисты. Клавдия Петровна несколько исказила реальность. Ее дочь себе в висок не стреляла.

Окна спальни, выходящие на заброшенный участок, находились за спиной Леночки. Открываются они бесшумно. Леночка могла работать под музыку. Рычажок регулятора громкости на ее магнитоле стоял у отметки “max”...

Погремушка удостоилась съемки крупным планом. Пистолетом ее назвать сложно, зато смертью игрушка плевалась по-настоящему. Самоделка. На миниатюрной кремовой рукоятке расцвел черный тюльпан. Сработана под боеприпасы к малокалиберной винтовке. Четыре таких патрона и одна стреляная гильза стояли в ряд возле револьвера.

Я повторно рассмотрел фотографию входного отверстия от пули, и поднял глаза на Игорька.

– Согласен, – он предупредил мой вопрос, – выстрел произведен несколько сзади, чем обычно, но такие случаи не редкость.

– Угу...

Игорек треснул деревянной линейкой по столу.

– На ее руке найдены следы пороха, – прорычал он. – Тебе объяснить, что сие означает, или догадаешься сам?

– Точно?

– Не веришь заключению экспертов?

– Поправь меня, если я сейчас ошибусь. Вы ведь предсмертной записки не нашли?

– Подождем, – невозмутимо отозвался Игорек. – Их теперь любят отправлять по почте.

– А компьютер? Осмотрели?

Игорек принял позу свирепого гоблина.

– Здесь тебе не детский сад! Мы все проверили. Никаких адресов и писем в архивах, на дискетах всякая дребедень. Ничего, что могло бы указать на причину ее смерти. Думали, оставила предсмертную запись на кассете. Но там только “буги-вуги”.

– И ты принял версию самоубийства?

– Знаешь, что говорила твоя Леночка задолго до выстрела?

– Нет.

– Лучше умереть, чем растить голодранца! – по слогам произнес Игорек. – Показания подписаны ее коллегой, быв-

шей подругой.

– И ты успокоился?

– А я и не волновался! – улыбнулся Игорек в тридцать два лошадиных зуба. – Относись к жизни проще, и люди перестанут тебя избегать.

– Как выглядел муж, когда узнал о смерти жены?

– Валерьянку не глотал, но это объяснимо. Таксисты на дорогах видят трупов больше, чем весь наш отдел за пятилетку.

– Но ведь это же труп его беременной жены!

Носовой платок размером с мое банное полотенце промокнул капельки пота на лбу Игорька.

– Боже, откуда ты взялся на мою голову? – запричитал Игорек. – Ну почему ты подозреваешь всех без разбору?!

– Хобби у меня такое. Он поганец, ее муж.

– Ой-ой-ой! Какие мы правильные! Еще скажи, что он теперь должен в знак траура носить черную одежду. Тебе бы в проповедники записаться. Будем тебя звать “падре Аристарх”. Звучит? А не грешно подозревать паству в сотворении тяжкого греха, святой отец?

– Но вы его алиби проверили?

– Ты не человек, Аристарх. Ты клещ! Муж покойной обедал дома и оставлял такси у калитки. Старушка-соседка ковырялась в огороде, когда слышала, как его вызвали по рации. Твоя Леночка в полном здравии провела супруга к машине. Семейных скандалов перед этим не наблюдалось. Кли-

ент вызывал мотор к подъезду, и твой подозреваемый забрал заказчика вовремя. Мы проверяли в диспетчерской. Алиби не супер, но безупречное ты знаешь у кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.